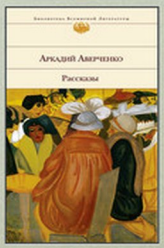
Аркадий Аверченко

Американец



Часть сборника
Рассказы

Американец
Аркадий Тимофеевич Аверченко

Аннотация
Аркадий Аверченко. Американец

Аннотация

«… – Врешь ты все, дядя, – недовольно пробормотал охотник Стрекачев, вскидывая на плечо ружье и собираясь уходить.

– Нам врать нельзя, – возразил мужичонка. – Зачем врать! За это тоже не похвалят! Баб обожаете?

– Что?

– Некоторые из нашего полу до удивления баб любят.

– Ну?

– Так вот я, можно сказать, по этой бабьей части.

– Кого?!!

– А это мы вам сейчас скажем – кого…»

Аркадий Аверченко
Американец

В этом месте река делала излучину, так что получалось нечто вроде полуострова.

Выйдя из лесной чащи и увидев вдали блестевшие на солнце куски реки, разорванной силуэтами древесных стволов, Стрекачев перебросил ружье на другое плечо и отер платком пот со лба.

Тут-то он и наткнулся на корявого мужичонку, который, сидя на пне сваленного дерева, весь ушел в чтение какого-то обрывка газеты.

Мужичонка, заслышав шаги, отложил в сторону газету, вздел на лоб громадные очки и, стащив с головы неопределенной формы и вида шляпчонку, поклонился Стрекачеву.

— Драсти.

— Здравствуй, братец. Заблудился я, кажется.

— А вы откуда будете?

— На даче я. В Овсянкине. Оттуда.

— Верстов восемь будет отселева…

Он пытливо взглянул на усталого охотника и спросил:

— Ничего вам не потребуется?

— А что?

— Да, может, что угодно вашей милости, так есть.

— Да ты кто такой?

— Арендатель, — солидно отвечал мужичонка, переступив с ноги на ногу.

— Эту землю арендуешь?

— Так точно.

— Что ж, хлеб тут сеешь, что ли?

— Где уж тут хлеб, ваша милость! И в заводе хлебов не было. Всякой дрянью поросло — ни тебе дерева настоящие, ни тебе луга настоящие. Бурелом все, валежник, сухостой.

— Да что ж ты тут… грибы собираешь, ягоды?

— Нету тут настоящего гриба. И ягоды тоже, к слову сказать, черт-ма.

— Вот чудак, — удивился Стрекачев. — Зачем же ты тогда эту землю арендуешь?

— А это, как сказать, ваше благородие, всяка земля человеку на потребу дана, и ежели произрастание не происходит, то, как говорится, человек не мытьем, так катаньем должон хлеб свой соблюдать.

Эту невразумительную фразу мужичонка произнес очень внушительно и даже разгладил

корявой рукой крайне скудную бороду, напоминавшую своим видом унылое «арендованное» место: ни тебе волосу, ни тебе гладкого места — один бурелом да сухостой.

— Так с чего ж ты живешь?

— Дачниками кормлюсь.

— Работаешь на них, что ли?

Хитрый смеющийся взгляд мужичонки обшарил лицо охотника, и ухмыльнулся мужичонка лукаво, но добродушно.

— Зачем мне на них работать! Они на меня работают.

— Врешь ты все, дядя, — недовольно пробормотал охотник Стрекачев, вскидывая на плечо ружье и собираясь уходить.

— Нам врать нельзя, — возразил мужичонка. — Зачем врать! За это тоже не похвалят! Баб обожаете?

— Что?

— Некоторые из нашего полу до удивления баб любят.

— Ну?

— Так вот я, можно сказать, по этой бабьей части.

— Кого?!!

— А это мы вам сейчас скажем — кого…

Мужичонка вынул из-за пазухи серебряные часы, открыл их и, приблизив к глазам, погрузился в задумчивость. Долго что-то соображал.

— Шестаковская барыня, должно, больны нынче, потому пять ден, как не показываются, значит, что же сейчас выходит? Так что, я думаю, время сейчас Маслобоевым — дачницам и Огрызкиным; у Маслобоевых-то вам, кроме губернанки, профиту никакого, потому сама худа как палка, а дочки опять же такая мелкота, что и внимания не стоющие. А вот Огрызкиной госпожой довольны останетесь. Дама в самой красоте, и костюмчик я им через горничную Агашу подсунул такой, что отдай все — да и мало. Раньше-то у нее что-то такое надевывалось, что и не разберешь: не то армячок со сборочкой, не то как в пальте оно выходило. А ежели без обтяжки — мои господа очень даже как обижаются. Не антиресно, вишь. А мне что?.. Да моя бы воля, так я безо всего, как говорится. Убудет их, что ли? Верно я говорю?

— Черт тебя разберет, что ты говоришь, — рассердился охотник.

— Действительно, — согласился мужичонка. — Вам не понятно, как вы с дальних дач, а наши Окромчеделовские меня ни в жисть не забывают. «Еремей, нет ли чего новенького? Еремей, не

освежился ли лепретуарчик? Да я на эту, может, хочу глянуть, а на ту не хочу, да куда делась та, да что делает эта?» Одним словом, первый у них я человек.

— У кого?

— А у дачников.

— Вот у тех, что за рекой?

— Зачем у тех? Те ежели бы узнали — такую бы мятку мне задали, что до зеленых веников не забудешь. А я опять же говорю об Окромчеделовских. Тут за этим бугром их штук сто, дач-то. Вот и кормлюсь от них.

— Да чем же ты кормишься, шут гороховый?!

Мужичонка почесал затылок.

— Экой ты непонятный! Как да что… Посадишь барина в яму — ну, значит, и живи в свое удовольствие. Смотря, конешно, за что и платят. За Огрызкинскую барыню я, брат, меньше целкового никак не возьму; Шестеренкины девицы тоже — на всякий скус потрафют, — рупь с четвертаком грех взять за этакую видимость али нет? Дрягина госпожа, Семененко, Косогорова, Лякина… Мало ли…

— Ты что же, значит, — сообразил Стрекачев, — купальщиц на своей земле показываешь?

— Во-во. Их, значит, тот берег, а мой, значит,

этот. Им убытку никакого, а мне хлеб.

— Вот каналья, — рассмеялся Стрекачев. — Как же ты дошел до этого?

— Да ведь это, господин, кому какие мозги от Бога дадены… Иду я о прошлом годе к реке рыбку поудить, гляжу: что за оказия! Под одним кустом дачник белеется, под другим кустом дачник белеется. И у всякого бинокль из глаз торчит. Сдурели они, думаю, что ли? Тогда-то я еще о биноклях и не слыхивал. Ну, подхожу, значит, к реке поближе… Эге-ге, вижу. Тут тебе и блюнетки, и блондинки, и толстые, и тонкие, и старые, и малые. Вот оно что! Ну, как, значит, я во всю фигуру на берегу объявился — они и подняли визг: «Убирайся, такой-сякой, вон, как смеешь!..» И-и расстрекотались! С той поры я, значит, умом и вошел в соображение.

— Значит, ты специально для этого и землю заарендовал?

— Специяльно. Шестьдесят рублей в лето отвалил. Ловко? Да биноклей четыре штуки выправил, да кустов насажал, да ям нарыл — прямо удобство во какое. Сидишь эт-то в прохладе, в яме на скамеечке, слева пива бутылка (от себя держу: не желаете ли? Четвертак всего разговору), слева, значит, пива бутылка, справа папиросы… — жи-

ви не хочу!

Охотник Стрекачев постучал ружьем о свесившуюся ветку дерева и как будто вскользь спросил:

— А хорошо видно?

— Да уж ежели с биноклем, прямо вот — рукой достанешь! И кто только это бинокли выдумал, — памятник бы ему!.. Может, полюбопытствуете?

— Ну, ты скажешь тоже, — ухмыльнулся конфузливо охотник. — А вдруг увидят оттуда?

— Никак это не возможно! Потому так уж у меня пристроено. Будто куст; а за кустом яма, а в яме скамеечка. Чего ж, господин… попробуйте. Всего разговору (он приложил руку щитком и воззрился острым взглядом на противоположный берег, где желтела купальня)… всего и разговору на рупь шестьдесят!

— Это еще что за расчет?!

— Расчеты простые, ваше благородие: Огрызкинская госпожа теперь купается — дамы замечательные, сами извольте взглянуть — рупь, потом Дрягина с дочкой на пятиалтынный разговору, ну и за губернанку Лавровскую дешевле двух двугривенных положить никак не возможно. Хучь они и губернанки, а благородным ни в чем не уступят. Костюмишко такой, что все равно его

бы и не было…

— А ну-ка… ты… тово…

— Вот сюда, ваше благородие, пожалуйте, здесь две ступенечки вниз… Головку тут наклоните, чтоб оттелева не приметили. Вот-с так. А теперь можете располагаться… Пивка не прикажете ли молодненького? Сей минутой бинокль протру, запотел что-то… Извольте взглянуть.

* * *

Смеркалось…

Усталый, проголодавшийся, выполз Стрекачев из своего убежища и, отыскав ружье, спросил корявого мужичонку, сладко дремавшего на поваленном дереве:

— Сколько с меня?

— Шесть рублей двадцать, ваше благородие, да за пиво полтинничек.

— Шесть рублей двадцать?! Это за что же такое столько? Наверно, жульничаешь.

— Помилуйте-с… Огрызкинскую госпожу положим рупь, да губернанка в полтинник у нас завсегда идет, да Дрягина — я уж мелюзги и не считаю, — да Синяковы трое с бабушкой, да…

— Ну ладно, ладно… Пошел высчитывать всякую чепуху!.. Получай!

— Счастливо оставаться! Благодарим покорниче!..

И, подмигнув очень интимно, корявый мужичонка шепнул:

— А в третьем и пятом номере у меня с обеда наши Окромчеделовские сидят. Уж и темно совсем, а их никак не выкуришь. Веселые люди, дай им Бог здоровья. Счастливо оставаться!